

А

М.В. Михайлова (МГУ, Москва)

Лица и маски русской женской культуры Серебряного века

В литературоведении уже давно утвердилось и интенсивно и плодотворно используется термин “лирический герой”. Его содержание и границы остаются до настоящего времени спорными - кто-то видит в нем один из способов раскрытия авторского сознания, своеобразного “двойника” автора, кто-то большую роль отводит отражению типических черт современников, как бы “вплавленных” в рамку личной биографии автора. Тем не менее можно утверждать, что лирический герой возникает с определенной закономерностью в творчестве тех (конечно же!) крупных авторов, которые в лирике делятся со своим читателем мыслями “о времени и о себе”.

Автор-поэт может и сознательно работать над формированием **образа** лирического героя, наделять его нужными ему на данный момент чертами, которые кажутся ему наиболее соответствующими данному историческому моменту. Так лирический герой становится характером. Это в некотором роде “сотворенное “я”, “я”, приобретшее черты всеобщности и историчности, “я”, находящееся на перекрестке сращения биографии и судьбы. Лирического героя можно назвать ипостасью поэта. Поэтому характер лирического героя или героини отличается некоторым постоянством, хотя, несомненно, может эволюционировать, изменяться в отдельных чертах. Но доминанта, ядро характера остается неизменным!

Иное дело - маска. Вот ее можно примерять, сбрасывать, надевать другую. Наконец, маски можно тасовать, перебирать, короче - мистифицировать общественность. Серебряный век знает одну из очень удачных женских мистификаций. Это Черубина де Габриак, страстная и знойная испанская аристократка, за стихами которой гонялись редакторы журналов. Но это произошло только тогда, когда на листках надушенной сиреневатого оттенка бумаги с водными знаками появилось это загадочное имя - Черубина де Габриак. В нее принуждена была превратиться, чтобы быть замеченной и прославленной, женщина с весьма заурядной внешностью и даже физическим

недостатком (хромота!) - Елизавета Ивановна Дмитриева,. И что парадоксально - как только мистификация была раскрыта, а маска снята, интерес к ней почти тотчас угас, хотя ни мастерства, ни творческого дара поэтессы не лишилась. И до сего дня многие знают или слышали о стихах Черубины де Габриак, а творчество Елизаветы Дмитриевой изучается только литературоведами.

Речь в данной статье пойдет о писательницах менее известных, Это Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (1865 - 1907), Нина Ивановна Петровская (1884 - 1928), Мирэ (под таким **псевдонимом печаталась Александра Михайловна Моисеева (1874 - 1913) и Анна Мар (этот псевдоним по имени индийского бога зла Мара избрала для себя Анна Яковлевна Леншина - (1887-1917).** Имена эти выбраны и соединены не случайно. Их, на наш взгляд, объединяет то, что литературная маска, ими выбранная, - а все они на определенном этапе своей жизни использовали ее - маской может быть названа лишь условно. Их маска была призвана не скрыть, а обнажить их сущность - не принимаемую обществом, окружением, даже близкими - сущность, которую они не осмеливались явить миру. Они **вынуждены** были прибегнуть к маске, потому что чувства, мысли, ими высказываемые, оказывались социально (или психологически) табуированными в устах женщины, если она произносила их непосредственно от своего имени.

Поэтому маски, ими созданные, в точности воспроизводящие контуры их лиц, были как бы пленкой, пеленой, сквозь которую довольно отчетливо проступали черты их духовного облика. Так намеренно проявлялось подлинное, глубинное, интимное. Но при этом, будучи прикрыта маской, писательница, можно сказать, освобождалась от множества запретов, наложенных главенствующей патриархатной культурой. Маска в какой-то степени помогала ей избегать обвинений в безнравственности и порочности (хотя, надо признаться, это удавалось не всегда!). Можно прибегнуть к одной цитате, на мой взгляд, точно отражающую ситуацию подобного маскарада: “Анна сидела перед зеркальным триптихом загримированная и потому чужая для всех. Теперь лицо ее казалось страшным и особенно значительным, как будто она не надела, а совлекла личину, ту обыденную личину, которая наскучила ей наконец”.

Конечно, то, что они прибегали к маске, во многом определялось стихией карнавально-маскарадной игры, царившей в культуре Серебряного века, ее правилами. Но их маскарад был